

СЫНОЧКА- КОРЗИНОЧКА

Как я едва не потерял
любимую женщину,
потому что не умел
сказать матери «нет»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Дмитрий Воробьев

18+

Дмитрий Воробьев

Сыночка-корзиночка

«Автор»

2026

Воробьев Д.

Сыночка-корзиночка / Д. Воробьев — «Автор», 2026

«Сыночка-корзиночка» — это не книга о плохой матери. И не инструкция о том, как перестать общаться с родственниками. Это история мужчины, который долго считал себя взрослым — работал, зарабатывал, строил отношения, стал отцом, — но не замечал, что в отношениях с собственной матерью всё ещё остаётся удобным сыном. Когда в жизни Дмитрия появилась Владислава, то, что годами казалось обычной семейной заботой, постепенно начало выглядеть совсем иначе. Сначала были мелочи. Телефонные звонки. Советы. Претензии. Оценка отношений. Непрошеное участие в их жизни. Потом появились чувство вины, семейные конфликты, попытки поставить границы, родственники-посредники, обход блокировок и давление уже непосредственно на Владу. Им казалось, что достаточно просто съехать. Оказалось — от семейной системы нельзя переехать на другую улицу.

© Воробьев Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Пролог. Двадцать минут	6
1. Ты же старший	7
2. Сын по умолчанию	9
3. Куда ты поедешь один	11
4. До первых придилок	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Дмитрий Воробьев

Сыночка-корзиночка

Предисловие

Эту книгу мы не планировали писать.

Она появилась намного позже самих событий — когда некоторые вещи наконец стало возможно назвать своими именами.

Мы — два человека, которые прожили одну историю совершенно по-разному.

Дима долго не видел того, что для Влады довольно быстро стало очевидным. Влада замечала нарушение границ там, где Дима видел обычную семейную заботу. То, что одному казалось незначительной фразой, другой мог помнить годами.

Именно поэтому мы решили не превращать эту книгу в рассказ только одного человека.

Здесь будут моменты, которые мы помним одинаково. Будут моменты, которые каждый из нас воспринимал совершенно по-своему. И это нормально.

Человеческая память не является видеозаписью. Мы не ставили перед собой задачу восстановить каждую реплику дословно. Некоторые разговоры произошли несколько лет назад. Поэтому диалоги в книге передают их смысл так, как мы их запомнили.

Мы также старались разделять три вещи: что действительно произошло; что мы тогда чувствовали; и как понимаем произошедшее сегодня.

Это особенно важно для этой истории. Потому что спустя годы очень легко объяснить другому человеку его мотивы. Сказать: «Она сделала это потому что...» «Он специально хотел...» «Ей было нужно...»

Мы старались этого избегать.

Мы можем рассказать, что человек сказал или сделал. Можем рассказать, как это подействовало на нас. Но чужие мысли всё равно остаются чужими.

Поэтому эта книга не является диагнозом нашей семьи. Мы никого не пытаемся диагностировать. Не пытаемся доказать, что существует один правильный способ строить отношения с родителями.

И уж точно не хотим сказать каждому читателю: «Если твоя история похожа — прекращай общение».

У каждого своя ситуация. Для нас полное прекращение контакта стало последней точкой очень долгого процесса. Для другого человека решением может оказаться совершенно другое.

Нам важнее поговорить о том, что происходит до этой точки.

О чувстве вины. О долге. О страхе расстроить родителей. О том, почему взрослый человек может прекрасно принимать решения на работе и совершенно теряться перед фразой: «Я же твоя мать».

О том, почему партнёр может годами слышать: «Не обращай внимания», а потом однажды просто больше не иметь сил обращать внимание вообще хоть на что-нибудь.

И ещё эта книга не написана против матерей. Она написана за взрослых детей.

За их право любить родителей, но не принадлежать им. Помогать — но не быть обязанными спасать. Быть благодарными — но не расплачиваться за собственное рождение всю жизнь.

И строить свою семью без ощущения, что для этого нужно сначала получить чьё-то разрешение.

Если в какой-то главе вы узнаете собственную жизнь — возможно, наша история была написана не зря.

Пролог. Двадцать минут

Дима

— Ты вообще какого хрена на неё набросилась? Есть претензии — говори мне. Её не трогай. Я кричал на собственную мать за праздничным столом. Мы приехали на день рождения бабушки. Ещё совсем недавно я собирался просто сообщить хорошую новость: мы с Владой хотим жить отдельно. Через несколько минут она уже плакала. А потом сказала: — Дим, я так больше не могу. Давай я оставлю тебя с ней. Вот тогда я впервые по-настоящему испугался. Не того, что мы поссорились. Не того, что мать обиделась. А того, что

Влада

действительно может уйти. От меня. Что именно произошло за тем столом, я ещё расскажу. Через несколько часов мы вернулись за вещами. На сборы ушло минут двадцать. Компьютер. Ноутбук. Одежда. Техника. Какие-то бытовые мелочи. Машина быстро заполнилась. Ещё утром мы не собирались никуда переезжать. А вечером уже больше не жили с моей матерью. Мне очень хотелось думать, что именно тогда всё изменилось. Что я наконец сделал взрослый выбор. Собрал вещи. Уехал. Выбрал свою женщину и свою жизнь. Но это было только начало. Потому что из той квартиры я увёз с собой намного больше, чем одежду и технику. Чувство вины. Страх сказать «нет». Привычку оправдываться. И убеждение, что если мама обиделась, значит, наверное, я сделал что-то неправильно. Я поменял адрес. Но семейную роль оставил прежней. Влада В ту ночь мне казалось, что самое тяжёлое уже позади. Мы уехали. Теперь можно было закрыть дверь и остаться вдвоём. Я правда верила: теперь всё станет нормально. Я ещё не знала, что из квартиры можно уехать за двадцать минут. А от некоторых привычек — годами.

1. Ты же старший

Дима

Мой родной отец ушёл из семьи, когда мне было около двух лет. Примерно в четыре года в нашей жизни появился другой мужчина, который фактически стал моим отчимом, хотя официально отцовство на себя не оформлял. Сколько себя помню, от матери я слышал в основном негативные рассказы о родном отце. Она говорила, что он был тунеядцем, плохо с ней обращался, употреблял запрещённые вещества и из-за этого у него были проблемы с поведением.

Сейчас я не хочу осуждать отца только на основании этих рассказов. У каждого человека своя жизнь, свои ошибки и свой путь. При этом меня очень любили бабушка и дедушка со стороны родного отца. Сначала мать не хотела отпускать меня к ним и препятствовала нашему общению. Позже ситуация изменилась, в том числе на фоне того, что бабушка и дедушка начали помогать финансово.

Когда я приезжал к ним на выходные, отец иногда тоже приезжал ко мне. Мы почти не знали друг друга, поэтому отношения между нами были скорее дружескими, чем классическими отношениями отца и сына.

Позже у матери и отчима появился общий сын — мой младший брат. По моим детским ощущениям, отчим больше внимания уделял своему родному ребёнку. А мне постоянно объясняли, что я старший и поэтому должен всё понимать. Если мы с братом ссорились — первым мириться должен был я. Если он был неправ — уступить должен был я. Если мне чего-то не хватало — я должен был понять, что он младше. Фраза «ты же старший» постепенно стала универсальным объяснением того, почему именно я должен быть более терпеливым, понимающим, уступчивым и ответственным.

Сейчас я понимаю, что вместе с этим формировалась привычка ставить свои эмоции и желания после чужих.

В пятнадцать лет мне пришлось ещё раз почувствовать, что значит быть старшим. Мать развелась с отчимом. В её жизни уже был новый мужчина, которого сначала представляли просто как друга. После развода она переехала к нему в однокомнатную квартиру. А я остался.

Причём решение остаться отчасти принял сам. Мне было пятнадцать. Школа находилась рядом. Здесь оставался мой младший брат. И внутри меня уже очень прочно сидела старая установка: я старший. Я должен понимать. Я должен помогать. Я должен быть рядом. Младший брат тоже остался в прежней квартире, потому что там жил его родной отец. К тому моменту вместе с нами жила ещё и мать отчима — женщина, которая биологически не была мне бабушкой.

И вот после развода именно она во многом продолжила меня воспитывать. Сегодня я понимаю, насколько это было сильным поступком с её стороны. Брак её сына с моей матерью закончился. Я вообще не был её родным внуком. Она ничем не была обязана мне.

Но я остался жить рядом с ней, и она не отвернулась. За это я до сих пор ей благодарен.

После переезда мать не исчезла полностью. Она приезжала несколько раз в неделю. Обычно три-четыре раза. Я хорошо помню эту картину. Во двор заезжала машина её нового мужчины. Мать поднималась к нам. Иногда привозила что-нибудь сладкое. Проводила с нами около часа. А потом снова садилась в машину и уезжала. В подростковом возрасте я воспринимал это почти как норму.

Сегодня эта картина выглядит для меня совсем иначе. Потому что фактически значительную часть моего взросления я прожил не рядом с матерью, а рядом с людьми, которые не были мне родными по крови. И здесь у меня возникает один из самых больших вопросов всей моей истории. Почему человек, который не участвовал ежедневно в моём воспитании в тот период, когда я действительно ещё был ребёнком, начал так активно «воспитывать» меня

тогда, когда я уже вырос? Я не знаю точного ответа. Но иногда мне кажется, что часть её поздней гиперопеки могла быть связана именно с этим. Будто то, что не было прожито вовремя, попытались наверстать слишком поздно.

Только проблема была в том, что взрослому мужчине воспитание уже не требовалось. Ему требовалось право жить собственной жизнью.

Мне важно удержать в памяти обе вещи. Мать приезжала, и я её видел. Но каждый день рядом со мной были другие люди. Благодарность им не требует вычеркнуть мать из детства, а родство с матерью не обязывает забыть их участие.

2. Сын по умолчанию

Дима

Мать много раз рассказывала мне, что во время беременности ждала девочку. Даже после УЗИ, когда ей сказали, что будет мальчик, до последнего не верила. По её рассказам, были куплены розовый конверт, ползунки и пелёнки; после моего рождения в последний момент купили синий конверт. Это семейная история, которую я знаю с её слов, а не собственное воспоминание о тех днях.

Я возвращаюсь к ней потому, что позже часто оказывался слушателем её жалоб и сплетен. Сейчас мне кажется, будто ей всю жизнь была нужна подружка, и эту роль понемногу занял я. Но желание родить дочь не доказывает ни такого намерения, ни причины наших будущих отношений. Я могу уверенно говорить о другом: я рос, слушал и привыкал быть доступным для этих разговоров.

С детства мне регулярно повторяли определённые фразы и установки: «Мама у тебя одна, а девочек будет тысяча». «Счастье детей — в ногах их матери». «Гордость матери — её сыновья, её опора и защита». Мне внушалось, что я помощник и защитник матери, а когда она состарится, я обязан буду содержать её, помогать ей и ухаживать за ней. В детстве я не видел в этих словах ничего странного. Для меня это просто было частью понятия «семья».

Сейчас я смотрю на них иначе. Получалось, что ещё ребёнком я уже знал, что в будущем должен буду нести ответственность не только за собственную жизнь, но и за жизнь матери.

Параллельно я привыкал, что мои желания можно пересмотреть. Захотел учиться играть на гитаре — начали убеждать, что лучше балалайка или фортепиано. Можно спорить о пользе музыкальных инструментов, но для меня сейчас важнее другое: я учился не выбирать, а соглашаться с тем, кто знает лучше.

Позже менялись темы, а интонация оставалась. «Ты сходил в налоговую?» «Брату позвонил?» «Почему бабушке не звонишь?» Сделай это, не забудь то. Я уже вырос, но по-прежнему отчитывался о том, что сделал.

Даже когда мне было давно за двадцать, мать могла устраивать мне нотации из-за того, что я не звонил ей два дня. Она говорила: «А вдруг я умерла?» «А если мне стало плохо?» «Ты даже не узнаешь». Со временем у меня выработался автоматизм: нужно позвонить матери, иначе потом будет неприятный разговор. Я звонил уже не потому, что соскучился или хотел поговорить, а иногда буквально для галочки — чтобы отметить и избежать последующих претензий.

И только спустя годы я начал задавать себе вопрос: если я звоню человеку не потому, что хочу его услышать, а потому, что боюсь последствий своего молчания — это всё ещё проявление любви или уже обязанность?

Очень часто я выслушивал, как матери тяжело: плохая работа, маленькая зарплата, ссоры с подругами, неудачные отношения. Тогда мне казалось естественным, что она рассказывает мне обо всём. Теперь я понимаю, что не всегда был готов это слушать и не умел сказать об этом. Чужие жалобы занимали место, которое я даже не пытался оставить себе.

С восемнадцати лет и практически до тридцати одного года я регулярно выполнял огромное количество бытовых задач матери. Отвезти. Забрать. Что-то починить. Что-то купить. Помочь деньгами. Решить проблему.

При этом я неоднократно видел, как её мужчины постепенно переставали выполнять часть этих функций. Один начинал много пить и вместо того, чтобы отвезти её на работу, она просила об этом меня. Другой мог сказать, что не собирается что-то ремонтировать в квартире, потому что квартира не его, а финансово он и так помогает.

И вот уже я стою и закручиваю какой-нибудь болт в тумбочке. Сейчас эта ситуация кажется мне почти символичной. Я закручивал очередной болт в её квартире и одновременно, сам того не понимая, закручивал болт на собственной жизни.

Была у меня и ещё одна должность — советник. Собирается мать менять работу, и я должен высказать мнение: «Стоит туда идти или нет?» Сам по себе совет нормален. Но у меня оставалось ощущение, что без моего участия решение почему-то не обходится.

Особенно запомнилась история с квартирой. Мать вместе со своим мужчиной хотела продать квартиру и купить дом. Они ждали, когда я вернусь домой, чтобы сесть и посоветоваться всем вместе. Раньше я мог воспринимать это как уважение: со мной считаются. Сейчас спрашиваю себя, почему я чувствовал такую ответственность за решение об их совместной жизни.

В голове у меня это звучало резко: он её мужчина, не я. Но я не могу по одному эпизоду решить, как мать воспринимала своего партнёра. Зато могу сказать о себе: я не отделял право высказать мнение от обязанности участвовать. Меня приглашали — и я включался. Где мне хочется помочь, а где я уже тащу чужое решение, я тогда почти не различал.

3. Куда ты поедешь один

Дима

Младший брат вырос и уехал учиться в другой город. Я остался в одном городе с матерью. У меня появлялись отношения, я пытался жить отдельно. Ещё до брака съезжал из дома и строил совместную жизнь с девушкой. Но вместе с вещами уносил с собой те же привычки.

Если мы редко приезжали, мать обижалась: «Ты про меня забыл», «Ты изменился». О моих девушках говорила: «Какая-то она странная», «Что-то она вечно недовольная», «Она тебе не подходит». А потом могла добавить:

«Тебе нужна такая, как мать».

Или: «Вот если бы у меня был такой мужчина, как ты, я бы его на руках носила».

Раньше я принимал это почти за комплимент. Теперь слышу в этих словах смешение ролей, от которого мне не по себе. Но тогда я не говорил, что выбор партнёрши — моё дело. Обычно даже не передавал девушкам услышанное. Пропускал мимо ушей или носил внутри, будто от молчания слова перестают на что-либо влиять.

У меня всегда было готово объяснение. «Ну мама просто переживает». «Она беспокоится». «Она же мать». Даже фразу «Ой, не прошло и года, как ты позвонил» я умудрялся переводить себе как заботу. Сейчас замечаю, что после таких слов мне становилось стыдно, и я старался звонить чаще.

После неудачных отношений я возвращался домой. Снова помогал по хозяйству, возил мать, участвовал в расходах на продукты и коммунальные услуги. Привычная жизнь быстро восстанавливалась: взрослый сын рядом, всё умеет, на него можно рассчитывать.

Иногда я спрашиваю себя, не были ли мои возвращения удобны матери. Возможно. Но я не знаю, пыталась ли она ради этого разрушать мои отношения. Критика была; собственного решения уйти от партнёрши вместо меня она не принимала. Мне важно не сделать её единственным объяснением всех моих неудач.

Примерно в двадцать семь лет я женился. От этого брака у меня есть сын. Сам брак не изменил моего общения с матерью: она могла звонить несколько раз в день, просить денег, интересоваться подробностями нашей жизни. Я не установил новых правил, а одного семейного статуса оказалось недостаточно.

Всё это существовало задолго до Влады. Она появилась в моей жизни позже — в отношениях с матерью, которые я уже много лет поддерживал собственным участием.

Когда брат уехал в другой город, я тоже стал думать о переезде. Мне хотелось туда, где больше возможностей. Но стоило заговорить об этом, я слышал: «Куда ты поедешь один? Тебе не надо никуда уезжать. А как же мы тут все без тебя, а ты без нас?»

Тогда я воспринимал эти слова как материнское беспокойство. Теперь замечаю, что в них сразу было два довода остаться: здесь без меня не справятся, а там не справлюсь я. Переезд ещё не состоялся, а одиночество и вина уже присутствовали в разговоре о нём.

Я чувствовал, что меня удерживают. Не могу знать, насколько сознательно мать это делала. Но эффект для меня был вполне ощутимым: желание попробовать другую жизнь приходилось сначала защищать перед близкими. И гораздо привычнее было снова остаться рядом.

4. До первых придилок

Дима

Когда я познакомился с Владой, я всё ещё жил с матерью. Я работал в море вахтами, поэтому для меня такая схема казалась удобной. Пока я находился в рейсе, мои вещи были дома, мне не приходилось платить аренду за квартиру, в которой фактически никто не жил.

Но когда я возвращался из рейса, начинался список накопившихся дел матери. «Отвези меня туда». «Забери меня отсюда». «Отвези собак на стрижку». И так далее. Иногда я откладывал собственные дела, потому что сначала считал необходимым выполнить её просьбы.

В тот момент я практически не задумывался, почему её задачи автоматически становятся для меня приоритетнее моих собственных.

С Владой всё началось спокойно. Мы познакомились, начали общаться, и меньше чем через месяц я познакомил её с матерью. Иногда после прогулки мы заезжали ко мне домой, втроём пили чай. Мать улыбалась и говорила, что рада тому, что я наконец встретил девушку. На этом этапе никакого открытого конфликта практически не было. Проблемы начались позже.

Влада

Мы познакомились в интернете. На тот момент я работала в крюинговой компании — мы занимались подбором работы для моряков. Поэтому, когда мне написал Дмитрий, первой мыслью было совершенно логичное: «Наверное, хочет устроиться через нашу фирму». Но почти сразу выяснилось, что работа его вообще не интересует. Он прямо сказал, что написал мне с другой целью — познакомиться. Позже Дима рассказывал, что в моей анкете его особенно зацепило то, что я увлекаюсь эзотерикой. Для него это выглядело необычно. Ему показалось, что я интересный человек, с которым можно говорить не только о погоде, работе и повседневных вещах.

Если говорить честно, внешне Дима вообще не был тем мужчиной, которого я раньше могла бы назвать своим идеальным типажом. Но достаточно быстро внешность перестала иметь значение. Меня зацепило другое. Как он со мной разговаривал. С ним можно было обсуждать практически всё. Не было необходимости постоянно выдумывать новую тему, спасать разговор от неловкого молчания или изображать из себя кого-то другого. Он спрашивал не просто: «Как дела?»

Ему было интересно: «Ты сегодня ела?» «Как прошёл день?» Если оказывалось, что у меня не получилось нормально поесть, он мог заказать мне доставку еды. Это вроде бы мелочи. Но именно из таких мелочей постепенно складывается ощущение: человеку не всё равно, что с тобой происходит. И мне это нравилось.

При этом первые две недели происходила довольно забавная вещь. Мы много общались. Разговор явно был уже не рабочим и не дружеским. Я понимала, что нравлюсь ему. Но Дима почему-то вообще не предлагал встретиться. В какой-то момент я даже начала задаваться вопросом: «Он вообще собирается меня куда-нибудь пригласить?» Позже он объяснил свою логику. Ему казалось, что будет подозрительно, если мужчина познакомится с девушкой и почти сразу начнёт настойчиво звать её куда-нибудь.

Он не хотел произвести впечатление человека, который слишком торопится или преследует какую-то очевидную цель. Поэтому ждал. Тогда мне это даже понравилось. Он не давил. Не торопил. Не пытался за пару вечеров превратить переписку во что-то, к чему я ещё не была готова.

Наше первое свидание прошло в ресторане грузинской кухни. Мы заказали еду, сидели, разговаривали. И когда принесли счёт, я совершенно автоматически полезла за кошельком. Я была готова спокойно заплатить за себя сама. Дима меня остановил. Сказал: «Нет. Я всё оплачу». И заплатил сам. Я до сих пор почему-то хорошо помню сумму в чеке — примерно

1500 рублей. Для большинства людей это просто сумма за ужин. Для меня тогда она приобрела другое значение, потому что я уже интересовалась нумерологией.

Число 1500 я воспринимала как хороший знак, связанный с важными изменениями в личной жизни, встречей человека, с которым могут совпасть ценности, духовные интересы и стремление развиваться. Конечно, сейчас я не могу сказать: «Вот, Вселенная выдала чек, значит всё было предопределено». Но тогда я действительно улыбнулась. Мне хотелось верить, что это маленький хороший знак. И в тот момент он таким для меня и был.

Мне не потребовались месяцы, чтобы понять, что Дима становится для меня важным человеком. Наверное, уже после третьего или четвёртого свидания внутри появилось совершенно определённое ощущение: «Я хочу быть именно с ним». Меня цепляло даже не что-то конкретное. Скорее наша общая атмосфера. Мы могли часами разговаривать на абсолютно разные темы. Не было ощущения, что нужно постоянно показывать себя с лучшей стороны. Иногда мне вообще казалось, будто я знаю его гораздо дольше, чем на самом деле.

Дима был жизнерадостным. Общительным. С ним было весело и комфортно. При этом поначалу он одновременно казался мне закрытым человеком. Будто разговаривать он может много, легко поддерживает общение, смеётся, рассказывает истории, но какие-то настоящие внутренние вещи держит глубже. И, возможно, мне как раз хотелось постепенно узнавать этого человека дальше.

Дима

Первые месяцы наших отношений я сейчас вспоминаю как какое-то отдельное время. Тот самый конфетно-букетный период, когда тебе хочется находиться рядом с человеком даже тогда, когда уже давно пора ехать домой. Влада тогда ходила в спортзал. Я часто забирал её после тренировок. Казалось бы, обычная схема: забрал девушку — отвёз домой. Но у нас почему-то почти никогда не получалось просто разъехаться.

Мы могли остановиться где-нибудь на набережной. Заглушить машину. Выйти. И разговаривать. Час. Два. Три. Иногда смотрели на часы, а там уже три или четыре утра. И самое странное — нам всё равно было о чём говорить. Не потому, что мы специально искали темы. Наоборот. Одна тема сама перетекала в другую.

Мы говорили о своей жизни. О прошлом. О людях. О том, чего хотим дальше. Влада рассказывала мне об эзотерике. До знакомства с ней я не особенно погружался в подобные ве

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.